

Наверху сошла с кустов роса, и внизу, под кустами блестит только в пазухе такого листка, где никогда и не просыхает. Коровы наелись и грудой стояли у болотного бочага.

Подпасок Ванюшка лежал на кочках дугой. Не сразу и догадаешься, как вышла дуга, он, должно быть, лег на кочку головой, но, пока спал, кочка умялась, голова опустилась, получился высокий живот, и голова и ноги внизу.

Я его давно знаю, – ярко-рыжая голова, и на лице крупные веснушки, одна к другой, глаза блестящие, чистые, как обсосанный леденец. Я давно его принял в Берендеево царство и, когда вижу, мимо ни за что не пройду. Мне сегодня удача, хочу с ним побыть и бужу маленького Берендея. Он открыл один глаз на мгновение, вынул начатую полбутылку, протянул мне и опять уснул.

Я стал трясти его и хохотать.

– Пей! – сказал он. – Вчера гулял на празднике, тебе захватил.

Когда он совсем пришел в себя, опохмелился, я вынул из сумки последний номер «Охотника» с моим рассказом и дал ему.

– Прочитай, Ваня, это я написал.

Он принялся читать. А я закурил папиросу и занялся своей записной книжкой на пятнадцать минут, – так уже замечено, что курится у меня ровно пятнадцать минут. Когда кончилась папироса, а пастух все читал, я перебил его вопросом:

– Покажи, много прочел?

Он указал за четверть часа он прочел две с половиной строчки, а всего было триста.

– Дай сюда журнал, – сказал я, – мне надо идти. Не стоит читать.

Он охотно отдал журнал со словами:

– Правда, не стоит читать.

Я удивился. Таких откровенных и добродушных читателей как-то не приходилось встречать даже среди крестьян. Чуть ущемило, но больше понравилось.

Он же зевнул и сказал:

– Если бы ты по правде писал, а то ведь, наверное, все выдумал?

– Не все, – ответил я, – но есть немного.

- Вот я бы - так написал!

- Все бы по правде?

- Все. Вот взял бы и про ночь написал, как ночь на болоте проходит.

- Ну, как же?

- А вот как. Ночь. Куст большой-большой у бочага. Я сижу под кустом, а утята - свись, свись, свись.

Остановился. Я подумал - он ищет слов или дожидается образов. Вот очнулся, вынул желейку и стал просверливать на ней седьмую дырочку.

- Ну, а дальше-то что? - спросил я. - Ты же по правде хотел ночь представить.

- А я же и представил, - ответил он, - все по правде. Куст большой-большой! Я сижу под ним, а утята всю ночь - свись, свись, свись.

- Очень уж коротко.

- Что ты, «коротко»! - удивился подпасок. - Всю-то ночь напролет: свись, свись, свись.

Соображая этот рассказ, я сказал:

- Как хорошо!

- Неуж плохо, - ответил он.

И заиграл на дудочке, сделанной из волчьего дерева, тростника и коровьего рога.